

СЛОВО И ДЕЛО В СВЕТЕ НАРОДНОЙ МАГИИ

УДК 392.6
ББК 63.5

А. П. КОНККА
(Петрозаводск)

НА ПЛЕЧАХ БОЛЬШОЙ МЕДВЕДИЦЫ: КАРЕЛЬСКИЕ ЗАГОВОРЫ И МАГИЧЕСКИЕ ДЕЙСТВИЯ НА ПОДНЯТИЕ ЛЕМПИ

Аннотация. В статье анализируются рассказы о магических действиях по «поднятию лемпи» в Беломорской, Приладожской и Северной Карелии из собрания Финского литературного общества (Фольклорный архив), опубликованные в многотомном издании «Древние руны финского народа» (SKVR). Высказывается предположение, что лемпи — это некая эманация души, жизненной силы человека в период его полового созревания и особого периода, связанного с актуализацией сексуальной энергии. Обряды поднятия лемпи, вероятнее всего, имеют отношение к возрастной инициации.

Ключевые слова: верования, сексуальность, магические действия, дух — охранитель человека.

В 1921 г. под редакцией Августа Роберта Ниemi появилась вторая часть последнего, четвертого, тома издания рун Suomen kansan vanhat runot (Древние руны финского народа), состоящего из образцов народной поэзии, записанных в Беломорской Карелии. Составитель дополнил издание 108-страничным биографическим словарем известных в ту пору рунопевцев и знахарей — Vienanäänin runonlaulajat 136 ja tietäjät (Рунопевцы и знахари Бело-

морской Карелии), где слово «знахари» можно переводить и как колдуны, или, по-современному, магические специалисты. В этом томе А. Р. Ниemi собрал 1473 единицы поэтических заговоров (в предыдущей, первой, части тома IV — 822 лечебных заговора). Они применялись в различных жизненных ситуациях: на рыбной ловле и охоте, при уходе за скотом и посевами, при лечении болезней, свадебные и семейные, в том числе при переходе в новый дом, и так далее. Здесь представлены также 46 заговоров «на поднятие лемпи» (lemmennosto, южнокар. «лемби»), или эротической привлекательности, «славуности», которые обычно относят к любовной магии. Многие из опубликованных заговорных текстов снабжены рассказом о магических действиях, сопровождавших чтение заговора (или наоборот, — заговор сопровождал магические действия), делающим публикацию заговоров особо ценной. Не менее ценно то, что тексты записаны на рубеже XIX и XX вв. и ранее, когда старые традиционные представления еще бытовали в своем исконном виде. Как правило, позднее в XX в. сделанные записи дают нам во многом полузабытый и переосмысленный материал. В разделе Lemmennosto, помимо собственно заговоров на поднятие лемпи (надо понимать, для примера), опубликованы 10 заговоров, из которых 5 приворотов, 3 — слова на то, как «охолонить любовное влечение», и 2 — как испортить («обрушить») уже имеющееся лемпи.

Тексты данного раздела состоят, как правило, из нескольких (от 2 до 26) строк, то есть они достаточно короткие, тогда как тексты многих лечебных заговоров (в том числе опубликованные в этом томе) объемны и состоят из

100—150 и более строк. Записанный Лённротом от Архиппа Перттунена в 1834 г. и опубликованный здесь же заговор «на колотъё» составляет 271 строку.

Пять первых текстов (№ 1797—1801) повествуют о действиях под названием «<заставлять> куковать кукушку» — *käen kukutus*. Вряд ли они имеют непосредственное отношение к поднятию лемпи, как мы его понимаем, но являются ярким примером магических действий, заставляющих природные силы дать ответ о судьбе человека. Следующий отдел (№ 1802—1811) состоит из 10 текстов и называется соответственно первой строке всех 10 заговоров «*Niin miun lempeni liehukoh*» (Пусть моя/мое лемпи так развевается). Глагол *liehua* употребляется в случаях, когда надо описать колыхание пламени (существительное *liekki* — «пламя» того же корня), развевание на ветру волос или, например, флага, колыхание тумана и т. п. Записи Иивана Марттини.

В д. Хиетаярви в самом начале XX в. зафиксировано следующее магическое действие: «Поднятие лемпи. Девушку парят в бане и делают славутной. Тесьму для косы девушки привязывают к языку церковного колокола, бьют в него, держась за тесьму, и произносят: “Будь так же моя лемпи знаменита, как знаменит церковный колокол!”»¹. Здесь своеобразная игра слов: *kuuluisa* — «знаменитый», но слово происходит от глагола *kuulla* — «слышать». Обыгрывается триада: «слышать — быть слышанным о ком-то — быть знаменитым». «После этого обливают колокол и этой водой моют <в бане> голову девушки. Потом расчесывают волосы три раза вечером в четверг на три новолуния. Воду от мытья кропят <веником> на стены дома, где живут <молодые> мужчины и говорят: «Сколько почек, столько... <пенисов>, сколько листьев, столько лемпи!» (*Mikä urpia, se kaluja / Mi lehtiä, se lempä!*)

В д. Аконлакша в 1911 г. И. Марттини записал следующий текст: «Девушке поднимают лемпи. Затапливают избу. При появлении первого дыма из трубы девушка кладет несколько волос в топку и говорит: “Пусть так моя лемпи развевается, как эти волосы там на ветру!”».

¹ Здесь и далее переводы автора статьи.

Несколько текстов записано в д. Кивиярви (Каменное озеро). В 1903 г. там рассказывали, что «лемпи у девушки поднимется, если во время подготовки субботней бани для мытья она, сидя верхом на пороге, расчешет волосы и соберет те, которые остались на гребне. Заодно и вымоется в бане. В воскресенье утром она эти волосы сожжет в печи и скажет: “Пусть так моя лемпи развевается, пусть моя хорошая так шагает и слава обо мне слышна будет, как этот дым <развевается на ветру>!”»

В 1910 г. там же зафиксировано, что «на зимние Святки девушке надо встать рано — до того, как затопят печь — расчесать волосы и отнести их на жараток печи на угли. Следует поджечь их и сказать: “Пусть так моя лемпи развевается, как этот дым!”». До этого надо положить образ Пресвятой Богородицы в воду и этой водой промочить волосы, вымыть лицо и побрызгать на одежду».

В 1911 г. сообщали, что «Лемпи у девушки поднимется, если положить в воду такие серебряные монеты, которые использовали для залога на свадьбе. Этой водой девушка обливается и остаток выливает на крышу, говоря: “Так высоко пусть моя лемпи будет, как эта вода высоко!”».

В том же году Марттини записал, как девушки в Кивиярви поднимают лемпи и гадают о замужестве: «На ивановской неделе на трех возвышенных местах ломают ветки березы и делают веник, который обвязывают красной шерстяной ниткой. Вечером на Иванов день топят баню. Листья у веника обрывают и сжигают под волоковым окном. При этом говорят: “Пусть так моя лемпи поднимется, как этот дым поднимается!”. После этого девушка парится этим голиком. Потом девушка идет на берег озера. Икону Пресвятой Богородицы (имеется в виду медный складень), серебряное кольцо или перстень и серебряную монету кладет в посуду с водой и этой водой обливается. Если при обливании что-то из этих трех предметов пропадет, то девушка выйдет в этом году замуж, а если нет — то не выйдет».

А вот как поднимали лемпи в Кивиярви на Пасху: «На пасхальной неделе, в страстной четверг, девушка наливает

воду из проруби в посуду и кладет ее за печь. Утром в Пасху, между завтраком и обедом, берет девушка воду из запечья и этой водой обливается под стрехой с колокольчиком от дуги в руке. Обливаясь, позвякивает колокольчиком над головой и говорит: “Пусть так моя лемпи развевается, как этот колокольчик звенит!”».

В 1900 г. в д. Вокнаволок И. Марттини записал рассказ, как сделать так, чтобы девушка стала знаменитой и нравилась бы парням: «Девушке надо вымыть все имеющиеся в доме иконы в чашке (среди них обязательно должна быть икона Девы Марии) и с той водой в чашке подняться на сарай над хлевом, и над тем отверстием, через которое лошади бросают сено <как бы стоя над лошадиной гривой>, расчесать волосы, макая гребень в ту воду со словами: “Пусть так же моя лемпи развевается, как эта лошадиная грива!”».

Тогда же в Вокнаволоке Марттини записывает следующее: «Лемпи поднимется у девушки, если в ивановскую ночь она принесет воды из озера и вымоет икону Девы Марии, оставит икону в этой воде и положит туда еще 5-копеечную монету. Этой водой потом вымоет голову, руки и лицо и скажет: “Пусть так моя лемпи развевается, пусть так моя хорошая шагает, как эта монета и эта икона!”»².

Еще одно описание поднятия лемпи из Вокнаволока 1900 г.: «Лемпи поднимется у девушки, если утром в Пасху, после окончания всенощной, пойти в какое-нибудь потаенное место около церкви и в тот момент, когда встает солнце, поводить точильным бруском о снег и, не двигаясь с места, этим снегом натереться сверху донизу. При этом надо сказать: “Пусть молва обо мне будет так же чиста, как этот снег, и пусть на меня смотрит всякий, как на этот восход солнца!”». Как видим, здесь нет стандартной строки про развевание лемпи.

² Скорее всего, здесь пропущена строка, имеющаяся в заговоре из Кивиярви 1903 г.: «Пусть так слава обо мне слышна будет», что добавляет смысла в магические действия с монетой и иконой.

Следующий отдел (№ 1812—1822), состоящий из 11 примеров, также назван по самой, наверное, популярной первой строке заговоров *lemmennosto*: “*Nouse, lempi, liehumah!*” (Вставай, лемпи, развевайся! или букв. Поднимайся, лемпи, развеваться!). Кроме уже известного нам Марттини собирателями здесь выступают Николай Лежоев, Самули Паулахарью и А. И. Европеус.

Н. Лежоевым в Аконлакше в 1912 г. зафиксировано следующее описание обряда: «Поднятие лемпи девушке. Кладут три серебряные монеты в медный таз и наливают воды. Их варят в тазу, а потом устанавливают две железных косы остриями друг к другу. Под соединенными вместе косами три раза пропускают девушку, причем таз с водой держат над ее головой. Тот, кто поднимает лемпи, говорит слова: “Вставай, лемпи, развевайся! Вставай, хорошая, шагай, в трех орлиных перьях, в шести петушиных перьях, в семи рыбьих чешуях...”».

Н. Лежоев записывает в 1911 г. в д. Костомукша, какими словами сопровождается паренье девушки в бане перед большими праздниками: «Вставай, лемпи, развевайся! Пусть моя слава слышной станет, пусть хорошая моя поднимается и идет через девять морей, половину десятого, пусть такая же о ней молва пойдет, как славится этот богом данный праздник... Пусть мужчины смотрят на меня любуясь, женщины все с улыбкой, парни смотрели бы на меня, как на зорюшку, а на прочих, как на горяшку».

В Хиетаярви И. Марттини записывает в 1903 г. от Мины Хуовинен: «В Ивановскую ночь девушку парят в бане с помощью воды из родника и ольхового веника, перевязанного красной ниткой. Затем вокруг девушки три раза продевают обруч из медной проволоки — два раза по солнцу, один раз — против и, если возможно, то с силой, в экстазе (карельск. *haltioissaan*, где *haltie* — дух-хозяин), произносят слова, обращенные к детородному органу мужчины, заставляющие его “стоять, как кол или лом”, в направлении данной девушки, заканчивая заговор словами: “Вставай, лемпи, развевайся этим нынешним летом!”».

В 1911 г. И. Марттини удалось записать в Кивиярви развернутый рассказ об обряде, направленном на восстановление сексуальной силы лемпи, утраченной из-за чих-либо злокозненных действий против данной девушки, вследствие чего парни ее не приглашают на играх танцевать и у нее долгое время не объявляются женихи. Для этого «вырезают в земле лоскут дерна с трех сторон, один край которого оставляют нетронутым, то есть он неподвижен как петля у двери. Посредине него вырезают четырехугольное отверстие. Из родника приносят воды. Когда берут воду, то в родник кладут плату — монету или кусочек олова. Потом просовывают посуду с этой водой через отверстие в лоскуте земли три раза, два раза по солнцу, а один раз — против. Топят баню дровами, которые были взяты из расщепленного молнией дерева. Делают веник из веток трех берез, растущих на трех возвышенных местах, с каждой березы берут по девять веток с южной стороны. Веником парят и произносят: “Отправляйся-ка, лемпи, развеяться, хорошая, шагать! Пусть моя лемпи так далеко будет слышна, как знаменитые царские деньги слышны!”».

Потом еще воду берут из озера, с берега такого дома, в котором живет «бурлак» (то есть парень брачного возраста). Вода в посуде, когда берешь, должна крутиться по солнцу. Берут, пока она не будет крутиться в нужную сторону, хоть трижды девять раз, но не больше. В воду кладут три серебряные монеты: рубль, полтинник и 15-копеечную монету. Этой водой обливаются на трех рощах (развилках дорог).

В те же годы в Каменном озере И. Марттини записывает еще два обряда с уже более длинными заговорами. Для того чтобы повесить лемпи, говорится в сопроводительном тексте, надо принести воду из ключа. Девушка поднимается на крышу дома и выливает воду в дымовую трубу. Знахарь держит под трубой в печи посуду, в которую вода попадает. Льют три раза. Потом идут с этой водой к рощам и обливают девушку. По дороге ломают по три ветки у трех березок или елочек у самой дороги и их связывают в веник при

помощи красной нитки. Обливая девушку, знахарь парит ее этим веником и сердито (еще лучше, если в экстазе) приговаривает: «Вставай, лемпи, развевайся! Вставай, хорошая, шагай... чтоб неслась ты, как расписные санки, как лисья шуба развевалась, чтобы слезы лились у пяти, соблазнились шестеро, у семерых сердце горело б об этом зяблике, о бедрах этого дитятки...».

Второе описание следующее: «Поднятие лемпи. От трех разбитых молнией деревьев возьмут дров и истопят ими баню. И затем возьмут грозовой дождевой воды со стока крыши, а если не удастся взять *громовой воды* (ukkosvettä), то берут воду в кипящем пороге. Потом в бане парят и этой водой обливают. Скачут в экстазе, парят и читают такие слова: “Мать моя Дева Мария! Приходи ко мне на помощь кричащему!” После этого зовут на помощь в деле поднятия лемпи и древнего небесного старика, верховного бога Укко, чтобы “лемпи развевалась” и чтобы у ворот стояли сваты и ближние и дальние — так изда-лека бы приходили, как изда-лека день-ги приходят...».

«Космические связи» лемпи подчеркивает заговор, записанный Н. Лежоневым в Вокнаволоке в 1911 г.: «Вставай, лемпи, развевайся! Слава моя чтоб слышна была... выше луны, пониже неба, до небесных звезд достигла, до плеча Большой Медведицы, до кузниц семи кузнецов, до восьми небесных комнат!».

Самули Паулахарью записал от Анни Лехтонен из Войницы заговор, читаемый девице, которую одновременно с этим бьют горячим помелом. Когда на большой праздник после топки угли в печи отодвигают в стороны, то *под* печи подметают сосновым помелом для того, чтобы начать печь хлеба или пироги — объясняет собиратель. Вот этим самым «огненным» помелом и бьют девушку, приговаривая: «Пусть у нашей девицы лемпи развевается, слава расширяется, хорошая ступает так ярко, как угли в печи горят» и т. д., повторяя вариант про пять, шесть и семь воздыхателей. Так же, как и выше, девицу сравнивают с зябликом, добавляя в конце: «...<пусть стремятся> вслед за нашим зябликом, в укромное место за уточкой».

И наконец, в последнем заговоре из этой серии, записанном Европеусом на севере Беломорской Карелии в 1846 г., говорится уже о том, что именно поднятая лемпи (как будто речь идет об одушевленном предмете) должна привести к девушке мужчин: «Приведи мужчин издалека, возьми их поближе, ищи на сотне островов, в девяти городах...».

Особняком в книге стоит заговор поднятия лемпи в момент, когда девушка впервые увидела ласточку весной. Хейкки Мерилайнен записал его в 1889 г.: «Если девушка, когда увидит первый раз ласточку весной, встав след в след на то место, где это произошло, омоет глаза, расчешет волосы и плеснет эту воду через плечо в ту сторону, куда те ласточки улетели, то добьется, что ее лемпи станет знаменитой и пролетит через “шесть погостов, через восемь городов”».

Из следующего отдела *Tytöille lempi kohoaa* (У девушки лемпи поднимается) здесь будут представлены два текста с описанием предпраздничного поднятия лемпи, когда лемпи повышают непосредственно перед играми с парнями. В Костомукше И. Марттини записал в 1903 г.: «На празднике девушку будут парни часто приглашать на играх, если утром в праздник расчесать волосы и сжечь оставшиеся на гребне волосы на горящей лучине так, чтобы дым от них вышел через трубу на улицу и сказать: “Путь моя лемпи так развеивается!”». Там же Марттини рассказали другой способ поднятия лемпи перед праздником: «Перед отправлением на праздник для девушки пекут рыбник, девушка залезает на стол, становится в определенную позу, так чтобы рыбник держался на ней сверху. Кладут на нее рыбник, откусывают от него и хвалят его, какой он вкусный, периодически повторяя: “Такой вкусной будь и ты на празднике!”».

Опуская варианты приворотов (присушек) к конкретному парню, приведенные здесь же (поднятие же лемпи никогда не направлено по определенному адресу), а также некоторые магические действия в беседной избе, напоминающие нам свадебный приговор «Я волк, вы овцы!», когда молодая при-

бывает в дом мужа, обратим внимание на приведенные примеры противоположного свойства, т. е. то, каким образом лемпи «остужают», «понижают» или, как чаще всего говорится, «обрушают» или «обваливают» (*sorrettaaan*). Как правило, это более похоже на «отсушку», которая применяется чаще всего адресно, когда уже эта самая любовь случилась, объект известен и в определенных жизненных ситуациях от нее следует избавиться. Кроме того, возможны и случаи порчи, то есть колдовского воздействия на лемпи девушки извне. Хейкки Мерилайнен записал в 1888 г. в Кимасозере следующий рассказ: «Топят баню дровами из сваленных ветром деревьев, берут воду из ручья, который в каком-то месте своего течения раздваивается, прямо с места раздвоения, парят в бане и приговаривают: “Пришла баба из Турьялы (мифологическая северная страна в карельских рунах), жена из холодной деревни...”». Далее в заговоре рассказывается, что из «холодной деревни» принесли дров, затопили холодную баню и парят веником, у которого, как особо подчеркивается, «сто развилок» (то есть налицо «остуда» и разведение объектов заговора в разные стороны). Притом колдовской веник в заговоре делается не более и не менее, чем из ветвей Мирового дерева — Большого дуба калевальской поэзии, выросшего из маленького ростка в огромное дерево до самого неба. К слову сказать, это обычная практика — для достижения цели в заговорах стараются использовать все возможные силы, в том числе старых и новых (языческих и христианских) богов, перечисление которых часто встречается в одном и том же тексте. Впрочем, как мы видим, то же происходит и с магическими действиями. Обряд вообще старается выполнить задачу наиболее полно, с использованием разных способов и разных природных сил. Заговор же, помимо того, имеет и свою специфику: в нем используется сила слова, словесного приказа.

Завершающий наш обзор текст записан в Хиетаярви в 1898 г. и касается также избавления от любовного влечения, от лемпи: «Берут на кладбище три камня из обкладки могилы и когда

топят баню, то кладут их в отдельную посуду с водой. В бане неожиданно для объекта, на которого направлено магическое действие (парня или девушки), обливают его этой водой и говорят: «Стань таким же холодным <имя>, как холодны эти могильные камни!»». После этого камни относят обратно на кладбище. Заметим, что принесенные с кладбища камни используются и во многих других случаях, когда требуется отогнать или извлечь некую силу или духа из определенного объекта, так же колдуны борются и с болезнями, особенно насланными, «поднимая калму», т. е. «смертную (или могильную) силу», против которой нет противоядия. «Обрушение» лемпи в другом случае происходит с помощью собачьих экскрементов — сильного средства, также применяемого в отвращении болезней. Данные примеры говорят о том, что лемпи, в данном случае понимаемая как любовь, сравнима с болезнью, которую можно наслать при помощи магии и от нее же при помощи магии вылечить.

Колдовские действия с паром и дымом и выпускание содержащейся в них лемпи из бани или избы на улицу сравнимы с напусканьем болезней колдунами «на ветер», когда болезнь (дух болезни) изымается из тела больного и отправляется в свободный полет. Это называется «стрелье» (отметим, что у скандинавских лопарей существовали магические изделия — миниатюрные каменные и деревянные стрелы как атрибуты колдунов-нойд). Интересно, что данное действие зафиксировано и в обряде: в финской провинции Северная Карелия колдун в процессе поднятия лемпи, после «паренья» ее веником на роднике, приказывает девушке забраться на дерево и стреляет в нее из маленького лука, сделанного из ольхи [SKVR, VII, 5, № 4771].

По старым — еще средневековым — материалам известно, что скандинавские нойды могли летать на большие расстояния в виде огненного шара. И здесь стоит обратить внимание на этимологию, так как современный этимологический словарь финского языка (а у финнов и карел в этом отношении

понятия идентичны) дает только одну основную этимологию слова «лемпи». Лемпи исторически происходит от понятия «огонь». Второе значение слова лемпи — «соединять», «сжимать вместе» [SSA, 62].

«Огненная» природа лемпи подтверждается и приведенными выше примерами, многие из которых связаны с использованием печи, огня и дыма. Сама баня, особенно по-черному, в которой происходит паренье при поднятии лемпи, — это кроме воды те же огонь и дым. Поэтому существенно, какими дровами она топится, что оговаривается отдельно. Для поднятия лемпи используются «громовые» дрова — из дерева, расщепленного молнией (огонь и небесная природа явления), или дрова для этой цели (в других случаях веник) должны быть ольховыми. Ольха же (вероятно, благодаря своему красному оттенку) часто ассоциируется с кровью и душой (ср. здесь также нити красного цвета, используемые для перевязывания веника). Когда же следует «свалить», «прокинуть» лемпи, то, по логике имитативной магии, используются дрова из сваленных ветром деревьев.

Что же касается полета, то мы неоднократно видели, как волосы девушки посредством огня превращались в дым и разносились при помощи ветра и движения воздуха. Само значение слова «развеваться», когда лемпи, развеваясь, летит по свету над церквями и городами, свидетельствует об этом. В карельских заговорах часто встречается и сравнение лемпи с птицами. Таким образом, огонь и полет здесь снова (как в способе передвижения лопарских нойд) соединяются воедино.

Вероятно, лемпи как любовь в современном понимании романтического чувства вовсе не так понималась ранее. Любовь и сегодня может быть источником горя, помешательства и чисто физической боли. Эта сторона чувства, скорее всего, и способствовала тому, что лемпи воспринималась прежде всего как физическая тяга, влечение, другими словами, некая физиологическая сила, имеющая и свою мифологическую основу, своего духа.

При этом не следует считать (как считают многие информанты и собиратели), что лемпи — исключительно женское явление. Выше мы видели и нейтральные тексты *lemmennosto*, применимые к любому полу. Лемпи, как выясняется, может быть *sogrettu* («свалена», принижена) не только у женщин, но и у мужчин. И. Исакова из д. Софпорог Лоухского р-на рассказывает: «В бане парили — поднимали лемпи — на Виеристян кески (зимние Святки. — А. К.) да на Ивана и Петра. Девиц бабки-еретницы (колдуньи) парили, а парням лемпи патьвашки (свадебный чин — колдун на свадьбе. — А. К.) поднимали. Воду для поднятия лемпи у парней надо было принести из глухой ламбы (без втекающих или вытекающих из нее ручьев и речек); патьвашки ходили за водой сами. У нас говорили — <lempi> *pinosta otettih* (<лемпи> из поленицы сняли) (т. е. расколдовали. — А. К.)» [Фонограммархив ИЯЛИ, 2713/9]. На Иванов день в д. Ламбисельга Сямозерской волости «...ночью шли огонь жечь. Пойдут на высокую гору, сделают огонь, большой-большой костер, потом через него прыгают, девушки и парни лемби поднимают» [Там же, 3264/1]. В литературе имеются описания поднятия лемпи у эстонцев, когда девиц в бане хлещут лисьим хвостом, тогда как парней — еловым веником до крови. Известны собранные в Суоярви, Суйстамо и приходах Северной Карелии специальные тексты так называемых мужских слов, или поднятия лемпи для мужчин [SKVR, VII, 5, № 4798—4804].

Относительно времени совершения обряда выше были названы зимние и летние Святки — сакральное время, связанное с календарным переходом и отсутствием у человека духохранителя, которого следовало сотворить вновь путем гаданий и других магических действий. Но наиболее ярко обряды поднятия лемпи актуализуются в начале лета — периода цветения трав и буйного роста растительности. Формула «вот сейчас, в Иванову ночь, в промежутке малого Петра» звучит в десятках заговоров из Приладожской и Северной Карелии, где «промежуток Петра» — летние Святки. Одним из основных ритуальных атрибутов подня-

тия лемпи был специальный березовый ивановский веник, *lempivasta* (веник лемпи), в который дополнительно могли входить полевые цветы, иван-чай, тимофеевка, можжевельник, осиновые или ольховые ветки, колосья цветущей ржи и т. д. Иногда веник целиком состоит из ольховых или даже рябиновых веток [Там же, № 4713, 4793]. Причем по некоторым сведениям из Сямозера «все веники, которыми девушки парились в течение года, собирают в Иванову ночь, сжигают их на росстанях и прыгают через огонь» [Конкка, Огнева 2010, 152]. Также и в Иломанси «веник лемпи» после паренья относили в ивановский костер [SKVR, VII, 5, № 4766]. Огонь и лемпи, таким образом, в процессе ритуала вновь объединяются. Помимо прыганья через огонь и пролезания сквозь расщепленное дерево, что можно (по аналогии с подобными обрядами других народов) считать обрядом перехода в иную ипостась, тому же служат очистительные свойства специальным образом добытой воды и растительности с идеей оплодотворяющей жизненной силы. Связь с растительностью и лесом проявлялась не только через особый веник, но и через муравейник, в который кладутся ленты, а также мыло и вода в бутылке (ими затем умываются). С муравьями и муравейниками (в некоторых случаях береза, из которой делается ивановский веник, должна расти в муравейнике) много связано также в лечебной магии. Муравьи в ритуальных действиях, возможно, выступают как некая эманация души леса, а также связаны с понятием *maahinen*, то есть духами земли.

В свое время мной было высказано предположение, что лемпи — это некая эманация души (или одной из душ), жизненной силы человека в период его полового созревания и особого периода, связанного с актуализацией сексуальной энергии, с ее первым приобретением. Поэтому обряды поднятия лемпи, вероятнее всего, имеют отношение к возрастной инициации [Конкка 1992, 44]. Для переходного периода инициации характерно, что у человека отсутствует дух-охранитель и он становится уязвим для воздействия со стороны. У карел такими периодами для

молодоженов являются первые шесть недель после свадьбы, для роженицы — первые шесть недель после рождения ребенка, для близких родственников умершего — шесть недель после его смерти, для всей общины — переходный период зимних и летних Святков. Все поведение людей в такие переходные периоды, помимо оберегающих действий, направлено на восстановление статуса — получение или создание нового духа-охранителя, сотворение новой жизненной силы. Поднятие лемпи сопоставимо как раз с подобными магическими приемами. Действия с волосами, наиболее часто связываемые с жизненной силой и местоположением духа-охранителя (а в присушках могут быть задействованы также пот и кровь), подтверждают это. На это указывают и случаи отождествления лемпи с шерстью (лемпи как развевающаяся лисья шуба, как грива лошади или описание лемпи «в трех орлиных перьях, в шести петушиных перьях, в семи рыбьих чешуях»). Также такие понятия, как дым и пар, имеют непосредственное отношение к описанию всякого рода призраков, связанных с душой. Вышедшая, например, на кладбище из человеческого тела душа, по поверьям, имеет вид колышущегося тумана или дыма. Эти теоретические посылы подтверждаются и текстами заговоров из Приладожской и финляндской Северной Карелии, в которых лемпи оказывается синонимом личной силы духа-охранителя (или духа-хозяина) человека: *Nouse, lempeni, levosta, haon alta haltiani... nouse, lempi, liehumah, kekäleinä keikkumah!* (Вставай, моя лемпи, пробуждайся, дух-хозяин из-под коряги (валежины)... вставай, лемпи, развевайся, углями колыхайся!) [SKVR, VII, 5, № 4615]. Или: «Пусть лемпи развевается, дух-хозяин летит!» и «Вставай, сила моя из скалы, дух-хозяин из-под коряги (валежины)!» [Там же, № 4621]; «Дам я лемпи развеваться, духу-хозяину лететь (мчаться)!» [Там же, № 4622]; «Вставай, сила моя из щели, дух-хозяин из-под валежины... сила моя крепка, как камень, волос жесткий, как железо...» [Там же, № 4697]³.

³ Данному тексту из Липери практически идентичны строки из заговоров № 4682, 4737 и 4751 из Китее, Тууповаары и Иломантси.

С понятием *lempi* (*lembi* в южно-карельских говорах) некоторые исследователи связывают представление о духе *Lempe-Lemboi-Lemmes*, известном финнам, карелам, эстонцам, а также олонецким, архангельским и вологодским говорам в значении «черт», «нечистый дух». Словарь Г. Куликовского дает нам следующий ряд форм этого слова: «*Лемба* (Колодозеро), *лэмбай* (Повенецкий, Петрозаводский, Лодейнопольский у.), *лэмбой* (Петрозаводский, Олонецкий, Повенецкий у.) — низший род нечистой силы, дьявол. *Лембой тебя возьми! Лембой бы тебя взял!* (ругательства)» [Куликовский 1898, 49]. Е. В. Барсов в Заонежье зафиксировал *лэмбой* в значении «леший», также он сообщает о лембоях — баенниках и водяных [Барсов 1874, 88—90]. Толковый словарь Даля дает на *лэмбой* следующее значение: «муж., арх. — онежское (самоедское?) бранное, вроде черта, беса. *Кой лэмбой ты там делал?* Лембои, нечистая сила, черти; им подневольны заклятые, с ними выдаются клохтуны или ерестуны, дети, проклятые родителями» [Даль 1955, 247]. Отметим, что Барсов говорит о *лэмбоях* именно как о живущих в лесу духах, к которым попадают проклятые родителями дети. Примерно такую же картину, как у Куликовского, дают нам и другие диалектные и этимологические словари русского языка. Однако интересно, что *Лемпо* в некоторых карельских рунах выступает синонимом слова *Хииси*, то есть духа леса, также «превращенного» христианами проповедниками в «нечистую силу». Хииси, по языковым реконструкциям, в конечном итоге оказывается названием священной языческой рощи, в которой проводились жертвоприношения у финнов [Turunen 1981, 49—50]. Вероятно, то же касается и названий *lemmen lehto* (роща лемпи) и *lemmet lähe* (родник лемпи), связанных с почитанием отдельных роц и источников [Там же, 175].

Таким образом, Лемпо, или Лембой, — один из природных духов, по некоторым сведениям связанный с лесом и жертвенным местом. Однако при чем же здесь лемпи? Дело в том, что в некоторых заговорах на месте лемпи фигурирует Лемпо, как, например, 143

в записанном в Каави (на границе провинций Саво и Северная Карелия) в 1910 г.: «Вставай, Лемпо, поднимайся, слава, возвышайся...» [SKVR VI, 2, № 6105]. По некоторым сведениям, когда жена была неверной мужу, то из нее изгоняли «лишнюю» лемпи, которая в таком случае превращалась в Лемпо [Там же, № 6133]. О связи Лемпо и лемпи говорит нам и текст записанного в 1838 г. Лённротом в Иломанси заговора на поднятие лемпи, где заговаривающий вопрошает: «Здесь ли Лемпо заполучит лемпи, черт славу сохранит?» [Там же, VII, 5, № 4745]. Так же и этимологический словарь финского языка в словарной статье о Лемпо-Лембое, отмечая некоторые редкие значения типа *lemboinneula* (букв. «игла Лембоя». — А. К.) — «какой-то жук» в словнике 1644 г. и общераспространенные «нечистая сила» и «черт», возвращает нас на исходную позицию: этимологически у слова *lemboi*, «вероятно, та же основа, обозначающая “огонь”, как и в случае с лемпи» [SSA, 62—63]. Далее идет ссылка на водский термин *lemmüz ‘raga, kratti’* — появляющаяся в виде огня или молнии, насылаемая колдуном его личная сила, могущая украсть, например, молоко у коровы. Во многих быличках в этой силе персонифицируется сам колдун.

Использованный здесь сравнительный материал из Северной и Приладожской Карелии (всего 270 заговоров) уже в силу своего значительно большего объема дополняет и высвечивает многие редкие сюжеты из Беломорской Карелии. Это прежде всего касается «космических» мотивов и мотивов «происхождения» духа лемпи, его природной составляющей. Стоит упомянуть часто встречающуюся заклинательную формулу «луной светить, звездами сиять» — так говорят о поднимаемой лемпи. Лемпи попадает в один ряд со светилами: «Эй, лемпи, просыпайся, лемпи, иди, лемпи, на горку, поднимайся на луну смотреть, солнцем любоваться! Луна встала, солнце встало, ты еще не поднялась» [SKVR, VII, 5, № 4688, Китее, 1897]. Особо популярен мотив умывания водой из «родника лемпи», который иногда превращается

в космический объект: «Где девица вымоется?.. Высоко в небе, выше луны, ниже солнца, на плечах Большой Медведицы» [Там же, № 4609, Импилахти, 1847]. В заговорах обращаются к Иисусу: «...принеси чашку с бока луны, черпак возьми у солнца под мышкой, которым бы воду принесли из бурлящего ключа, из колышущегося родника» [Там же, № 4697, Липери-Иломанси] или к Деве Марии, которую заклиняют поднять лемпи девушки «из-под земли, из змеиного гнезда, из кукушкиной щели», а потом: «...поднимись по кругу луны, принеси золота луны, серебра солнца, возьми чашку с бока луны, черпак у солнца под мышкой, которым воды принесут из бурлящего ключа, иордани бегущей» [Там же, № 4746, Иломанси, 1838]. Заклинают Деву Марию принести чашу из Туонелы (мира мертвых): «Магущка Дева Мария, любимая мать милостивая, лети золотой кукушкой, серебристым голубем, принеси чарку из Туонелы, черпак из подмышки солнца» [Там же, № 4642, Корписелья, 1884]. Ее также просят принести бутылку воды, вымывшись которой девушка «теперь идет как луна, шагает как солнце, звезды на груди рассыпает, Большую Медведицу кладет на плечи» [Там же, № 4735, Тууповаара, 1885]. Поднимающуюся из родника лемпи просят: «Вырасти золотые брови, серебряные волосы, (чтобы) больше луны светили, больше солнца сияли, сквозь всю землю-землицу, через девять оконцев!» [Там же, № 4607, Сортавала, 1884]. Еще одна магическая формула отсылает нас к Христу, так как воду для поднятия лемпи по текстам из Суоярви, Корписелья, Иломанси и Импилахти следует брать «из Иордана, из водоворота святой реки, где Христос крестился, вся земля купалась» [Там же, № 4663, 46467, ср. № 4612, 4635, 4657 и др.]. В заговорах *lemmennosto* появляются и известные в других рунах мотивы возжигания огня: «Высек огонь небесный Укко, сверкнул Вяйнямёйнен тремя перьями орла, пестрой змеей (трутом. — А. К.), он сжег колени у парней, рассек грудь у дочерей» [Там же, № 4607, Сортавала, 1884]. Здесь небесный огонь (молния) выступает как

синоним лемпи, которая, таким образом, связывается с верховными небесными силами.

Однако, помимо своего происхождения от огня, лемпи, как мы уже видели, встает (или ее заговаривают встать) из воды: «Вставай, лемпи, из родника, тонкий подол из ключа...» [Там же, № 4623, Суйстамо, № 4735, Тууповаара]; «Вставай, лемпи, из ключа, тонкий подол из родника, красный чулок изнутри болота...» [Там же, № 4793, Пиелисярви, ср. также № 4684, Китее]. В Суоярви же обращались прямо к водяным хозяевам: «Водная хозяйка, водный хозяин, все водяные хозяева, вставай, дева, из ямы, тонкий подол из родника...» [Там же, № 4662]. В Корписельке говорили: «Вставай, лемпи, из ямы, вставай, лемпи, из болота...» [Там же, № 4636] или даже так: «Вставай, лемпи, из родника, черт (сатана), из глины...» [Там же, № 4658, Суоярви].

Наряду с этим известны тексты, говорящие о связи лемпи с растительностью. В Импилахти З. Сирелиус записал в 1847 г. заговор, в котором есть такие строки: «Вставай, лемпи, развевайся, вставай, слава, вместе с листом качайся, вместе с травой расти» [Там же, № 4609]. В другом заговоре из Импилахти говорится: «Вставай, лемпи, из ольхи, через камни банной печи, через банный мох! (в стенах. — А. К.)» [Там же, № 4613]. Вполне вероятно, что речь здесь идет об ольховом веннике и о паренье в бане — наиболее распространенном способе поднятия лемпи. В поисках лемпи могли заглянуть и в рощу, где ее следовало искать в земле: «Найди лемпи в роще, под землей дремлющую...», — записал в Финской Карелии Фредрик Полен в 1847 г. [Там же, № 4669]. Выше мы уже видели, что лемпи (духа-хозяина) поднимают из под коряги или валежины.

Итак, «происхождение» лемпи может быть различным и не связанным с какой-либо одной стихией. Космические объекты, божества, огонь и дым, воздух и вода, земля и растительность — все эти стихии, явления природы и их ипостаси так или иначе связаны с лемпи. Отсюда следует вывод, что лемпи, по материалам заговоров и магических

действий, имеет универсальную природу, что более характерно для представлений о духах — охранителях человека и его жизненной силы, актуализирующихся в определенный переходный период.

Литература

Барсов 1874 — Барсов Е. В. Северные сказания о лембоях и удельницах // Изв. Общ-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии. Труды этнографического отдела. 1874. Т. 13. Кн. 3. Вып. 1.

Даль 1955 — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II. И—О. М., 1955.

Конкка, Огнева 2010 — Конкка А., Огнева О. Праздники и будни. Карельский народный календарь. Петрозаводск, 2010.

Конкка 1992 — Конкка А. П. Viändöi — время летнего «поворота» в календарной обрядности карел // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1992. С. 28—45.

Куликовский 1898 — Куликовский Г. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.

Turunen 1981 — Turunen A. Kalevalan sanat ja niiden taustat. Karjalaisen kulttuurin edistämissäätiö. [Joensuu], 1981.

Сокращения

ИЯЛИ — Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (Петрозаводск).

SKVR — Suomen kansan vanhat runot. Т. IV. Ч. 2 / под ред. А. П. Ниemi. Helsinki, 1921.

SSA — Suomen sanojen alkuperä: Etymologinen sanakirja. 2, L—P. Päätoimittaja Ulla-Maija Kulonen. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura: Kotimaisten kielten tutkimuskeskus. Helsinki, 1995.

Summary. The aim of the article is to analyze stories about magic actions of the “lempi-raising” in Viena, Ladoga and North Karelia from the collection of Finnish Literature Society (Folklore archive), published in multivolume edition “The Old Poems of the Finnish People” (SKVR). The author proposes that lempi is a sort of soul’s descent, emanation of vital force during pubescence and actualization of sexual energy. Rituals of lempi arisal are most probably connected with initiation rituals, relate to the coming of age.

Key words: beliefs, sexuality and love magic, guiding spirits of the human.